

осознал, не оставляя места сущностной составляющей символа, которая, безусловно, иррациональна. Таким образом, символ не может сводиться только к форме и ее конкретному значению – знаку, и не может быть понят вне своего религиозного, культурного или метафизического контекста, в который он заключен.

Литература:

1. Бауэр, В., Дюмотц, И., Головин, С. Энциклопедия символов [Текст] / В. Бауэр, И. Дюмотц, С. Головин. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 512с.
2. Копалинский, В. Словарь символов [Текст] / В. Копалинский. – Калининград: ФГУИПП, Янтарный Сказ, 2002. – 267с.
3. Купер, Дж. Энциклопедия символов [Текст] / Дж. Купер. – М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. – 402с.
4. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: РАН. Ин-т рус. языка; Рос. Фонд культуры; М.: Азъ, 1993. – 960 с.
5. Похлебкин, В.В. Словарь международной символики и эмблематики [Текст] / В.В. Похлебкин. – М.: Международные отношения, 1994. – 560 с.
6. Русский ассоциативный словарь. Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка [Текст]. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др. – М.: 1996. – Часть 2.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст]; под общей ред. Н.Ю. Шведовой; РАН Ин-т рус. яз.. – М.: Азбуковник, 1998.
8. Тресиддер, Дж. Словарь символов [Текст] / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
9. Фоли, Дж. Энциклопедия знаков и символов [Текст] / Дж. Фоли. – М.: Вече-Аст, 1996. – 432с.
10. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] / П.Я. Черных. 13 560 слов: вВ 2-х т.т. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. – 622 с., Т. 2. – 560 с.

Д.А. Морель Морель
Белгородский государственный университет

К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ КОНЦЕПТА КАК СИСТЕМЫ

В течение последних десятилетий концепт продолжает оставаться в центре внимания лингвистики, когнитивной лингвистики, социо- и психолингвистики, лингвокультурологии, переживая в настоящее время период апогея [9]. Подобный междисциплинарный характер данного объекта исследования и отсутствие единой методологической базы в его изучении неизбежно приводят к появлению широкого спектра трактовок практически по каждому из вопросов, входящих в проблематику концепта.

Однако даже при наблюдаемом разнообразии подходов обнаруживается устойчивая тенденция рассматривать концепт как системное образование (о системности (системной организации) концептов см.: [36; 20: 90-93; 23: 51; 10; 11: 22; 26: 266; 4: 48-49; 12]), обладающее некоей (более или менее четкой) структурой:

«Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой...» [29: 24];

«Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков...» [6: 10].

Особо отмечается «внутренняя расчлененность» [9: 14], «дискретная целостность» [22: 19] концепта, вследствие чего он не может являться неразложимым объектом, «примитивом». Традиционно концепт представляется в виде набора признаков, имеющих *неизолированный* характер (см., например: [39; 21; 27]).

Таким образом, концепт отвечает классическому определению системы (наличие элементов, связей между ними, целостность – см., например: [32: 610]) и не является *аморфной* совокупностью компонентов, простой суммой признаков.

Целью настоящей работы является обзор основных системных характеристик концепта, его сущностных свойств, выявляемых современной лингвистикой и смежными науками.

Многие исследователи единодушны в закреплении за концептом таких атрибутивных характеристик, как многомерность [22: 18; 35: 38; 9: 14; 18; 7; 15: 129; 6: 71], многоаспектность, многоплановость [33: 58; 4: 48] (см., также: [5: 26; 23: 47-48]). Наличие у концепта подобных свойств обусловлено тем, что он используется для отражения всей поливариативности, многофакторности, мультидетерминированности окружающего мира [13: 26; 27: 78].

С указанными характеристиками концепта также тесно связаны его сложноорганизованность [27: 60-64; 29: 24; 8; 14; 2: 28; 6: 10], неоднородность, гетерогенность [9: 14; 4: 48; 30: 116-118] и полиморфность.

Прокомментируем последний термин. Выделяются самые различные типы концептов (см.: [3; 31: 37-47]), что обусловлено не только различиями в методологических установках исследователей, но и самой природой концепта (см. выше). При этом «между концептами разных типов не существует резко очерченных границ, они подвижны, способны «стираться» со временем и формироваться заново» [34: 172] (см. также: [3: 57]). Концепт с течением времени (а также при изменении условий наблюдения за ним) может «перетекать» из одной формы в другую, что, свидетельствуя о его динамичности, способствует его устойчивости, приспособляемости к внешним изменениям.

Полиморфность концепта тесно связана с такими особенностями его системной организации, как нежесткость структуры и диффузность границ [34: 170; 33: 58; 4: 48; 27: 60-61; 3; 30: 118] (см., также: [5]). Следует отметить, что последнее свойство концепта не вступает в противоречие с его дискретностью [20: 90; 23: 24]. В самом деле, каждый концепт мыслится как отдельная, самостоятельная единица («оперативная единица памяти» [20], «единица коллективного знания» [8]), «квант знания» [28; 20; 15]. С другой стороны, концепты в сознании (индивидуальном или коллективном) настолько тесно пере-

плетены, зачастую «перекрываясь» и взаимопроникая, что проведение четких, *формальных* границ более чем затруднительно. В связи с этим можно провести аналогию между представлением концептов и построением моделей молекул в химии (шаровые и шаростержневые модели vs. реальное взаимодействие электронных оболочек атомов).

Диффузность границ концепта проистекает из его облигаторной *неизолированности*, включенности в сложную систему внешних связей самого разнообразного характера [34: 171; 33: 58; 9: 14, 17; 35: 37-39; 19: 88; 13: 27; 17: 54; 30: 120-121], причем особо подчеркивается *системность* отношений между концептами [29: 26]. Как указывает М. Шварц, концепту присущи два уровня: *внутренний* («die Intraebene»), относящийся к организации собственно концепта и ее закономерностям, и *внешний* («die Interebene»), связанный с отношениями конкретного концепта с другими концептами [38: 55]. В силу вышесказанного в исследовании концепта выявлению и анализу системы его внешних связей должно уделяться не меньшее внимание, чем рассмотрению его внутренней структуры [13: 27].

Одним из фундаментальных, имманентных свойств концепта как системы является его динамичность. Еще со времени публикации работы С. А. Аскольдова (Алексеева) «Концепт и слово» [1] концепт практически повсеместно признается динамическим системным образованием (см. например публикации М. Минского, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, С.Г. Воркачева, В.Г. Зусмана, Ю.Т. Тамерьян, А.Н. Приходько), однако в большинстве работ он рассматривается в синхронии, что дает крайне мало возможностей для анализа динамики. Из фундаментальных работ, непосредственно посвященных данному аспекту, стоит отметить исследования В.В. Колесова [16] и Н.А. Красавского [18].

Подчеркнем, что концепт одновременно является динамичным и *стабильным* (но *не статичным*) образованием. Причем обе эти характеристики проистекают из сути концепта как единицы памяти.

Динамичность концепта обусловлена необходимостью достаточно быстрого реагирования на поступающие извне потоки информации, отражающие изменения а) окружающего мира, б) нашего знания о нем, в) нашего отношения к окружающему миру (и знанию о нем).

Динамичность концепта может проявляться в изменении его содержания, структуры, характера и набора внешних связей, иерархического статуса и значимости в составе концептосферы и находить свою репрезентацию в динамике системы вербальных средств репрезентации данного концепта. Таким образом динамичность концепта самым тесным образом связана с его полиморфностью и неизолированностью.

Динамичность концепта обуславливает необходимость обязательного применения диахронного подхода при исследовании концептов (необходимо не только проанализировать существующее положение дел, но и выявить, почему оно сложилось именно таким).

Стабильность концепта является необходимым условием для успешного

осуществления им своей функции по хранению и передаче (преимущественно во времени) уже накопленной в нем информации.

При этом концепт настолько стабилен, насколько стабильны а) фиксируемый им в ККМ фрагмент действительности, б) сознание (в первую очередь память), в) общество и присущие ему культура, система отношений, система ценностей и т.п.

Проводимое нами исследование показывает, что в процессе своего формирования и функционирования концепт может развиваться в направлении четырех «миров» – макрорубрик категоризации мира: природного, человеческого (человек как микрокосм), социального и сверхъестественного [24; 25; 37]. Таким образом, данные четыре мира образуют устойчивую систему (тетраэдр), в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми остальными.

Соответствующие направления развертывания концепта являются *потенциальными*: конкретный концепт в конкретный период своего существования может актуализировать от одного до четырех направлений развертывания.

В момент своего формирования и на стадии приобретения средств лексической объективации концепт, как правило, развертывается в небольшом количестве направлений. Их выделение связано с тем, к какому именно миру относит сознание (индивидуальное, групповое, национальное) репрезентируемую данным концептом реалию.

В дальнейшем, *если данная реалия сохраняет свою значимость* для носителей ККМ, концепт развивается: увеличивается общий объем информации, добавляются новые концептуальные признаки и слои. При этом концепт может продолжить развертывание в направлении исходного мира (миров), а может начать эволюционировать в направлении других миров (с сохранением или ослаблением связей с исходным). Соответственно, в процессе функционирования одного и того же концепта число одновременно задействованных им направлений развертывания может меняться. Более того, в процессе развития концепта может изменяться *интенсивность* его развертывания в разных направлениях. Данные процессы в ККМ находят свое отражение и в ЯКМ, ведущую роль в них играет метафора [24], что делает ее исследование одним из обязательных этапов изучения концептов.

Из вышесказанного следует *неравномерность* интенсивности развертывания концепта в различных направлениях. Следовательно, в этом отношении концепт *неизометричен* (насколько данный термин может быть применим к системе с *четырьмя* осями координат) и *неравновесен*.

Мы полагаем, что чем выше социальная востребованность, культурная значимость концепта, тем большее число направлений развертывания у него одновременно актуализировано. При этом прослеживается явная корреляция между количеством одновременно реализуемых направлений развертывания и устойчивостью положения концепта в концептосфере (расширяется его пространство состояний, увеличивается вероятность *конструктивного* выхода системы из возможных кризисов).

Таким образом, одновременное задействование всех четырех направле-

ний развертывания является наиболее устойчивым состоянием концепта – его аттрактором. Логично предположить, что любой *макроконцепт* достигает бассейна аттрактора.

С учетом явного доминирования «человеческого» и «социального» направлений развертывания (в силу антропоцентричности картины мира) и ослабления значимости мира сверхъестественного бассейн аттрактора будет, с высокой степенью вероятности, неизометричным по четырем осям развертывания концепта (см. рис. 1).

Упомянем также, что по ряду признаков концепты (и образуемые ими комплексы) можно отнести к самоорганизующимся системам (см., в связи с этим: [22]). В пользу этого тезиса можно привести следующие рассуждения.

1) Индивидуальные концепты в отдельности и индивидуальная концептосфера в целом, возникнув в сознании, существуют достаточно самостоятельно.

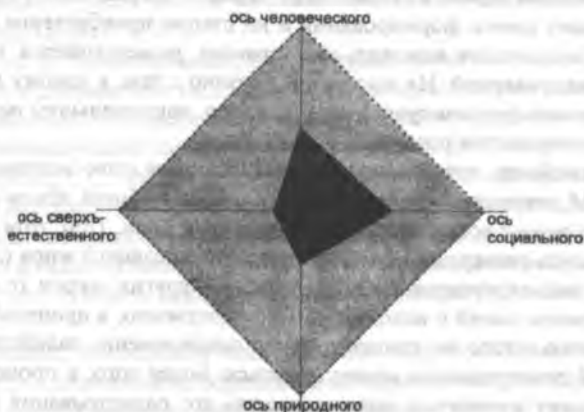

Рис. 1. Пространство состояний и бассейн аттрактора концепта

Под *самостоятельностью*, мы в данном случае подразумеваем, что само существование концепта (после его возникновения) *не зависит от нашей воли*: мы не можем сознательно, волевым усилием элиминировать тот или иной концепт из нашей памяти, из нашего сознания. При этом мы, естественно, вольны регулировать приток информации, поступающей в концепт, влиять на структуру концепта, его системные связи и положение.

Индивидуальная концептосфера, сложившись в сознании, начинает саморегулироваться. Функционирование и развитие концепта обуславливается не только осознанными усилиями человека, но и спецификой уже сложившейся системы концептов. Поведение системы определяется не только внешними условиями, но и внутренними (элементным составом, взаимосвязями между элементами, динамикой этих взаимосвязей, механизмами функционирования, присущими данной системе и обусловленными перечисленными факторами), что и обеспечивает системе *самостоятельность*.

Особо подчеркнем, что мы не идеализируем и не абсолютизируем понятие «концепт(осфера) как самоорганизующаяся система», памятуя о том, что особенности функционирования и внутренней самоорганизации ментальных образований обуславливаются а) нейрофизиологическими, биохимическими, биофизическими характеристиками мозга и протекающих в нем процессов, б) особенностями сознания.

2) Самостоятельность национальных концептов уровнем выше. Они существуют вне зависимости от того, хочет того или нет отдельно взятый представитель данной нации. Для каждого нового поколения национальная концептосфера существует как *пред-данность*.

Отдельный индивид может воздействовать на состояние национальной концептосферы (углублять ее за счет привнесения новой информации в уже существующие концепты, расширять ее за счет привнесения новых концептов, изменять степень актуальности тех или иных концептов для общества на данном историческом этапе), только если его воздействие а) станет известно некоей части представителей данной нации, б) будет *поддержано* неким процентом представителей той части, которой известно о данном воздействии.

Подчеркнем, что любые действия представителей нации по изменению существующей национальной концептосферы протекают в условиях детерминированности ею. Единжды возникнув как *система*, национальная концептосфера, будучи продуктом психической деятельности людей, сама начинает влиять на них. И каждый представитель любой нации – в какой-то мере продукт национальной концептосферы, что хорошо согласуется с гипотезой Сепира–Уорфа и свидетельствует о самоорганизуемости сложных систем ментальных образований.

Концепт является открытой системой (см. выше о его неизолированности), постоянно обменивающейся с окружающей средой информацией. Концепт также можно отнести к диссипативным системам с той оговоркой, что вместо энергии он, в силу своей идеальной природы, взаимодействует с потоками не энергии, а информации. Также отмечается *неравновесный* характер концепта как системы: «Таким образом, систему “литература” можно охарактеризовать как открытую, нестабильную, диссипативную систему... Подобно системе “литература” в целом, концепты открыты, неустойчивы, нестабильны, неравновесны» [12].

Общество как самоорганизующаяся система стремится к увеличению упорядоченности непосредственно окружающей его среды (пусть и за счет роста энтропии в других местах). На практике это выражается в том, что оно «отгораживается» от окружающего мира своим собственным, искусственно создаваемым миром. Национальная концептосфера, возникая и существуя на стыке двух самоорганизующихся макросистем – общества и природы, становится одним из «оборонительных эшелонов» человечества.

Будучи открытой системой национальная концептосфера вступает во взаимодействие со смежными макросистемами. Идеальный характер национальной концептосферы ограничивает это взаимодействие информационным

обменом. Таким образом национальная концептосфера становится своеобразным посредником между обществом с его когнитивным потенциалом и природой с ее потенциальными информационными ресурсами.

Отметим также, что при этом начинает проявляться самостоятельность национальной концептосферы как системы. В процессе своего зарождения и становления она, безусловно, детерминирована объективными свойствами общества с одной стороны и природы – с другой. Однако в ходе своего дальнейшего функционирования она обнаруживает тенденцию к саморегулированию. Это проявляется в тенденции к сохранению своей стабильности и связанным с ней «стремлением к упорядочиванию окружающей среды» – упомянутым выше влиянием на формирование каждого представителя определенной нации, а также на особенности познавательной деятельности.

Отметим еще одно системное свойство концептов. Данные ментальные образования (любого иерархического уровня) и их комплексы (вплоть до концептосферы в целом) фрактальны. В организации как отдельных концептов, так и их систем устойчиво прослеживается свойство самоподобия (полного или частичного).

1) Системообразующие элементы ментальных образований, принадлежащие к различным иерархическим уровням, не обнаруживают *качественных структурных* отличий друг от друга (вне зависимости от критериев их выделения), то есть явно обладают свойством самоподобия.

2) *Любые* ментальные образования (вне зависимости от критериев их выделения) могут получить полевое описание в терминах ядра и периферии. При этом данная особенность структурирования облигаторно воспроизводится в организации как любого иерархического уровня в целом (от отдельного концепта до концептосферы), так и любого из элементов отдельно взятого уровня. Подобное поведение является характерным для фракталов.

Фрактальность концептов любого иерархического уровня выявляется при любом подходе к их структурированию и моделированию и, тем самым, является особенностью их бытийного, а не рефлексивного уровня существования, т.е. является имманентной характеристикой самих концептов, а не особенностью логических схем их представления.

Свойство самоподобия, выявляемое у концептов и их систем, свидетельствует о существовании между ментальными образованиями различных иерархических уровней отношений изоморфизма. При этом отношения между структурами систем концептов и средств их лексикализации (шире – между ККМ и ЯКМ) имеют асимметричный, гомоморфный характер. Лексико-семантическая система языка выступает гомоморфным образом концептосферы, поскольку отражает ее не в полной мере (см., в связи с этим: [27: 57, 89]). Объективная действительность, ККМ и ЯКМ находятся в *последовательных отношениях гомоморфизма*, где каждая предыдущая макросистема является преобразом для последующей.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что мы далеки от мысли о том, что перечень свойств концепта, представленный в данной статье, имеющей, в

целом, обзорный характер, является всеобъемлющим, а само их рассмотрение – исчерпывающим. Концепт слишком сложный и неоднозначный феномен, что проистекает, с одной стороны, из чрезвычайной сложности организации и функционирования сознания, с другой – из онтологических характеристик бытия. Проблема выявления свойств концепта и определения их системной природы требует дальнейшего всестороннего исследования с активным привлечением научного аппарата теории систем и синергетики.

Литература:

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов [Алексеев] // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология: под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
2. Бабушкин, А.П. Объективное и субъективное в категоризации мира [Текст] / А.П. Бабушкин // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. – М.: ИЯ РАН, 1998. – С. 28-31.
3. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
4. Берестнев, Г.И. О «новой реальности» языкознания [Текст] / Г.И. Берестнев // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1997, № 4. – С. 47-55.
5. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
6. Введение в когнитивную лингвистику: [учебное пособие] / З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, А.А. Кретов, О.О. Борискина, Е.А. Пименов, М.В. Пименова; под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 210 с. – (Серия «Концептуальные исследования», Вып. 4).
7. Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» [Текст] / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2003. – Вып. 24. – С. 5-12.
8. Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. – Краснодар: КГТУ, 2002. – 142 с.
9. Воркачев, С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы [Текст] / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13-22.
10. Железнова, Ю.В. Сопоставление национальных концептосфер: к постановке проблемы [Текст] / Ю.В. Железнова // Сопоставительные исследования 2005. – Воронеж: Истоки, 2005. – С. 85-88.
11. Залевская, А.А. Текст и его понимание [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: ТГУ, 2001. – 177 с.: ил.
12. Зусман, В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] / В.Г. Зусман // Журнальный зал / © 2001 Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал»; последнее обновление: 14.04.2007. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplii/2003/2/zys-pr.html>.
13. Карасик, В.И. Зеркальный концепт «простота» [Текст] / В.И. Карасик // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 23-25 августа 2006 г.); отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 26-41. (Серия «Концептуальные исследования», Вып. 8).
14. Карасик, В.И. Оценочные доминанты в языковой картине мира [Текст] / В.И. Карасик // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород: БГУ, 1999. – Вып. 4. – С. 39-40.
15. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
16. Колесов, В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ [Текст] / В.В. Колесов // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 1992. –

Вып. 3 (№ 16). – С. 30-40.

17. Кошарная, С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира [Текст] / С.А. Кошарная. – Белгород: БелГУ, 2002. – 288 с.
18. Красавский, Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 40 с.
19. Красса, С.И. Концептосфера: целостное vs. дискретное [Текст] / С.И. Красса, А.Ф. Тихова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр. – М.: Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – Ч. 1. – С. 88-91.
20. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
21. Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58, № 6. – С. 3-12.
22. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода [Текст] / С.Х. Ляпин // Концепты: научные труды Центркоцепта.– Архангельск: ПомГУ, 1997. – Вып. 1. – С. 11-35.
23. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст]: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 296 с.
24. Морель Морель, Д. А. Метафора в развитии французских концептов: основные направления [Текст] / Д.А. Морель Морель // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Л. Грейдина. – М.; Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – С. 50-58.
25. Морель Морель, Д.А. Четыре направления развертывания концептов [Текст] / Д.А. Морель Морель // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 103-112.
26. Никитин, М.В. Основание когнитивной семантики [Текст] / М.В. Никитин. – СПб.: РГПУ, 2003. – 277 с.
27. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
28. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 30 с.
29. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин; изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
30. Приходько, А.Н. Языковое картирование мира в паттерне «концептосфера – концептополе – концептосистема» [Текст] / А.Н. Приходько // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 23-25 августа 2006г.); отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 114-125. (Серия «Концептуальные исследования», Вып. 8).
31. Рудакова, А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова; 2-е изд. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
32. Садовский, Н.В. Система [Текст] / Н.В. Садовский // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – С. 610-611.
33. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58-65.
34. Тамерьян, Т.Ю. Архитектоника концепта [Текст] / Ю.Т. Тамерьян // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр. – М.; Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – Ч. 1. – С. 170-176.
35. Убийко, В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка [Текст] / В.И. Убийко // Вестник ОГУ. – 2004, № 5. – С. 37-40.
36. Шейгал, Е.И. Тезаурусные связи и структура концепта [Текст] / Е.И. Шейгал, Е.С. Арча-

кова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – Вып. 2. – С. 19-24.

37. Morel Morel, D.A. Concepts development: four main directions (attractors) [Text] / D.A. Morel Morel // Материалы II Международной научно-практической конференции «Перспективные разработки науки и техники – '2006». – Днепропетровск: Наука и образование, 2006. – Т. 5. – С. 30-35.

38. Schwarz, M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität: repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz [Text] / M. Schwarz. – Tübingen: M. Niemeyer, 1992. – VI, 163 S.: ill.

39. Thoiron, Ph. Notion d'«archi-concept» et dénomination [Texte] / Ph. Thoiron [et al.] // Meta. – 1996. – V. XLI, N 4. – P. 512-524.

Т.В. Нешева

Кузбасская государственная педагогическая академия

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ ДИАДЫ «КОНЦЕПТ/ АНТИКОНЦЕПТ»

Язык, и не только иностранный, нередко преподносит своему пользователю сюрпризы, заставляя его поломать голову над языковыми загадками. Человек зачастую забывает, что сам является автором этих шарад. Составляя многочисленные правила и изменяя их в соответствии со сложившейся ситуацией, приобретенным жизненным опытом, он становится невольным, а иногда и вполне осознанным, участником «языковой игры» [2: 25], вовлекая в нее другие «жертвы». Очевидно, что причины языковых головоломок во многом обусловлены «человеческим фактором в языке» [7], на всем пространстве которого, человек обретает свое отражение во всем многообразии своих проявлений.

С точки зрения теории языковой аргументации О. Дюкро, язык как система обладает прагматическим потенциалом [14] и предоставляет человеку необходимое руководство к действию в той или иной коммуникативной ситуации. С другой стороны, невозможно без учета когнитивных механизмов разобраться в ситуации: *Он пришел уже в десять часов / Он пришел еще в десять часов* [1: 236]. В этом случае можно выделить две точки зрения на природу данных явлений. Языковые единицы *уже* и *еще* представляют собой: 1) синонимы; 2) антонимы. Рассмотрим отношение синонимии.

В языкознании под синонимом понимают слово или выражение, совпадающее или близкое по значению с другим словом [10: 586], нередко синонимы взаимозаменяемы. Но в указанном примере взаимозаменяемость невозможна без изменения прагматической направленности высказывания. Тем не менее, не отказываясь от термина «синонимия», лингвисты обозначают подобный парадокс как «ложная синонимия» или «квази-синонимия» [11], что на наш взгляд, не вполне корректно, так как в основе данных определений находятся семы -лож-, -квази-, предполагающие ошибочное (ненастоящее) мнение, что не проливает свет на суть самого